

Астахина Л.Ю.

Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект / С послесловием Ю.Н. Филипповича. М.: МГУП, 2006. 368 с.

В самом конце 2006 г. в Московском государственном университете печати вышла книга кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института русского языка Российской академии наук, одного из авторов Словаря русского языка XI–XVII вв. Л.Ю. Астахиной «Слово и его источники», посвящённая проблемам источниковедения русской исторической лексикологии.

Читая книгу, отмечаем широкую эрудицию автора и прекрасный язык, которым излагаются весьма сложные лингвистические проблемы, а также оригинальные эпиграфы, предпосланные каждой из четырёх глав. Это серьёзное исследование читается легко и с удовольствием: его строгая научность совмещается с занимательностью — вежливостью автора по отношению к читателю, даже принадлежащему к научной среде. Этому способствует и дедуктивно-индуктивная подача материала: от постановки проблемы к анализу примеров, от примеров — к новой научной проблеме.

В определенном отношении книга Л.Ю. Астахиной является уникальной: написать ее мог только источниковед-лексикограф, которому не один десяток лет в процессе работы над историческим словарем при обработке никем еще не описанной лексики из не изученных в филологическом отношении источников приходится сталкиваться с постоянно возникающими проблемами лингвистического источниковедения — лингвистической информационностью источников, достоверностью публикаций, влияющих на включение/невключение слова в словарь и на установление семантики включенного слова. Нередко к разгадке тайны одного слова ученый идет всю жизнь, а иногда это могут сделать только следующие поколения исследователей.

В книге не только обобщён опыт многолетней работы над Словарём русского языка XI–XVII вв., но формулируются и находят решение теоретические вопросы по проблемам истории языка. Словарь — это так называемая отправная точка, от которой ведётся повествование о непростых вопросах, возникающих в процессе работы над Словарём. Во Введении намечаются подступы к важным проблемам, еще остающимся не решёнными нашей наукой, и определяются задачи, стоящие перед нею.

В первой главе автор говорит об одной из тревожных проблем исторической лексикологии: выявление слов и выражений, которых никогда не было в языке, но которые зафиксированы в источниках, слов «несуществующих», «фантастических», «мнимых», «призрачных», «слов-фантомов», являющихся «лексикографической фикцией», — так определяли их исследователи. Л.Ю. Астахина вводит новый, на наш взгляд, весьма удачный термин для этой группы — псевдогапаксы (термин предложен в устной беседе проф. М.И. Чернышевой) и поясняет образование этого термина, обосновывает его

правомерность, целесообразность введения его в систему лингвистической терминологии (с. 13–14). Гапакс — слово, встретившееся один раз, а псевдогапакс — это то, чего никогда и не было в языке, что появилось вследствие некоторых субъективных факторов в публикациях рукописных памятников, а нередко проникало и в словари. Например, при проверке публикаций по рукописи были обнаружены псевдогапаксы, возникшие из-за того, что одна буква была принята за другую: *непорочнымъ деломъ* (вместо *ненарочнымъ деломъ*), *бадьюный* (вместо *блюдный*), *попудитися* (вместо *понудитися*), *паритель* (вместо *пиритель* ‘устроитель пиров’); контекстуальный анализ помог обнаружить псевдогапакс *тачаны* (вместо *таганы*). Неверному делению текста обязано появление псевдогапакса *выхлохы* (вместо *в(ъ)ых [них, т.е. прудах]лохы*) и т.д.

Л.Ю. Астахина отмечает девять групп, по которым можно распределить псевдогапаксы в зависимости от причин их появления (с. 40–47). Обычно такие слова воспринимаются как испорченные, своего рода курьёзы, вызывают недоумение, усмешку. На сегодня эта группа насчитывает более сотни лексем, которые в книге приведены в Приложении (с. 327–331). Автор предполагает возможное увеличение этого списка по мере приближения Словаря к концу алфавита, поскольку выявляются псевдогапаксы в процессе создания исторических словарей, когда лексикографы-историки работают над выявлением семантики больших массивов слов, собранных в картотеках, и сами выступают в роли лексикологов.

Причины появления псевдогапаксов подсказывают и пути их выявления. Первым шагом проверки «невероятного» слова является обращение к рукописи, и здесь на помощь приходят категории лингвистического источниковедения, его методы: выявление лингвистической содержательности источника и его информативности. Автор напоминает основные положения этой науки, разрабатываемые с 1963 г. проф. С.И. Котковым (с. 56–64) и обобщённые им в книге 1980 г. «Лингвистическое источниковедение и история русского языка». Кратко излагая эти основы, Л.Ю. Астахина идёт дальше. Она предлагает включить в число категорий лингвистического источниковедения такое понятие, как *критерий достоверности источника*. Если историки используют этот критерий, проверяя, насколько достоверно представлены в источнике исторические факты, то лингвисты вправе знать, насколько достоверно отражены в источнике факты языка (с. 91, 127–130).

Более глубоко разработана такая категория, как *лингвистическая информативность* источника (с. 87–90), показано её принципиальное отличие от понятия *информативность*, которым иногда оперируют историки языка и которое не является категорией лингвистического источниковедения.

Говоря об источниках по истории русской лексики, автор выделяет публикации рукописных памятников в особую группу: их нельзя отнести к первичным источникам (рукописям), так как при издании проявляется влияние субъективного фактора, т.е. отношение человека, который копирует рукопись

для издания, человека, который редактирует это издание, который создаёт справочный аппарат, который составляет комментарии (с. 94–104).

Имея в виду задачу создания русской исторической лексикологии (академического труда ещё нет), автор рассматривает роль вторичных источников, к которым относятся всевозможные лексиконы, картотеки, словоуказатели и пр. Значительное место занимает источниковедческое исследование Картотеки ДРС (с. 71–93), основу которой составили около ста тысяч личных выписок из рукописей и публикаций акад. А.И. Соболевского в 1925 г.

Л.Ю. Астахину можно назвать летописцем Картотеки ДРС: её перу принадлежат многочисленные статьи, отражающие различные этапы формирования этого уникального лексикографического источника, а также раздел, посвященный истории Картотеки и авторскому составу в Справочном выпуске СлРЯ XI–XVII вв. (М., 2001). В рецензируемой книге также рассматривается история создания Картотеки, процесс накопления в ней материала в зависимости от задач, которые в разное время ставились перед коллективом ученых группы ДРС, выявляется её лингвистическая содержательность и информативность, соотношение с создаваемым на её материалах Словарём русского языка XI–XVII вв. При наличии в нашей стране четырёх больших словарных картотек и картотеки русских говоров историки-лексикологи теперь не могут обходиться без обращения к их материалам.

Немалое место в книге уделяется описанию источников, необходимых для создания обобщающего труда по исторической лексикологии русского языка, видам публикаций, от простого воспроизведения рукописей в печати до сложного историко-лингвистического издания, оснащённого сложным справочным аппаратом и комментариями. Однако от внимания автора ускользнул тот факт, что Праздничная минея (Ильина книга) издана не только наборным способом В.Б. Крысько, но и фототипически Е.М. Верещагиным. Скорее всего, издание вышло после того, как настоящая книга была сдана в издательство.

Единственная фиксация слова настораживает лексикографа, в таких случаях встаёт вопрос о достоверности слова, возникают сомнения, не является ли оно псевдогапаксом. Но в распоряжении учёных имеются сведения о том, что «разгадку» семантики некоторых слов приходилось искать годы и годы. Так, в третьей главе «Источники и историко-лексикологические исследования» автор приводит историю бытования и пополнения группы слов с начальным *изор-*, когда лишь одна из недавно выявленных им грамот, относящихся к Владимирскому краю, дала возможность определить значение таких слов, как *изоры*, *изорницы*, *изорные десятины*, родственных образованиям от общеславянского корня *ор-* в глаголе *орати*: в ней говорится, как выделяли эти участки из общей посевной площади (с. 186–194).

Отдельное место в этой главе занимает очерк об источнике, в котором отразился лексический процесс «от конкретного к абстрактному» в системе качественного обозначения хлебных растений. Этот источник — сельско-

хозяйственная книга села Измайлова 1689–1691 гг., в которой за три года сжатая рожь была по качеству сначала «доброй, средней и плохой», затем — «первой статьи, второй и третьей», а затем снова «доброй, средней и плохой» (с. 159–166).

Л.Ю. Астахина раскрывает процессы, происходившие в тематической группе «полевые растения» при формировании сельскохозяйственной терминологии на основе бытовой лексики, вопреки утверждениям некоторых учёных, считавших, что кроме роста численности элементов в этой группе никаких других процессов не происходит. Однако в книге убедительно показано, что процессы в тематической группе идут на уровне изменения гипергипонимических отношений (с. 166–171).

Изучая источники, автор рассматривает и процессы, происходившие в лексико-семантической группе со значением «игра, развлечение» — *игра, потеха, потешение, забава, веселье* (с. 172–185). Процесс бытования слова с синкретной семантической структурой, преобразования в его семантике и, наконец, переход слова в пассивный фонд лексики раскрыты в очерке о судьбе в русском языке слова *персть*, которое ни разу не употребил А.С. Пушкин и которое к 1913 г. исчезло даже из текста Библии (с. 195–206).

В книгу включено разыскание о значении слова *кобица* (термина бортничества), подтверждающее справедливость утверждения о том, что никакое количество контекстов не поможет определить семантику слова, если не будет найдено соотношение с предметом, который назван этим словом (с. 206–214).

В последней главе автор делает попытку проследить истоки лингвистического источниковедения, теоретические основы которого были сформулированы в 60-х гг. XX столетия проф. С.И. Котковым. Так как конечной целью этой отрасли языкознания является издание рукописей, то Л.Ю. Астахина обращается к событиям начала XVIII в., когда впервые был поставлен вопрос об издании русских письменных источников в России. Раскрывая роль в этом деле таких учёных, как В.Н. Татищев, А.Л. Шлёцер, Г.Ф. Миллер, Н.И. Новиков, К.Ф. Калайдович, А.А. Шахматов, Б.А. Ларин, автор приходит к выводу, что именно их научная и практическая деятельность явились основными этапами в процессе становления лингвистического источниковедения (с. 215–301).

И теоретические, и исторические аспекты рецензируемой работы сочетаются, как уже было замечено, с необыкновенной человечностью этого научного исследования (тем, что древние называли *ad hominem*). Например, при установлении значения слова *солорь* (...*образъ межъ воконъ съ затворы на солори...* Кн. п. Моск. I: 331), не зафиксированного ни одним словарем и разгадку которого Л.Ю. Астахиной пришлось искать 22 года, органичным выглядит и приведенное автором детское воспоминание одной из преподавательниц сибирского вуза об иконах, позволившее приоткрыть тайну этого слова (Христос... На солнышке. Здесь все золотистое, оранжевое... А это на лазори... фон голубой. А на солори — дядя Панкрат увез. — Мама, а что такое «на

солори»? — Это такое сине-зеленое и шершавенькое). Это воспоминание дало Л.Ю. Астахиной возможность предположения, что слово родственно термину *солорина* 'род лишайников', содержащих солориновую кислоту, один из его видов имеет темно-зеленый верх и ярко-красный низ слоевища. «Родство» возможно или по внешнему сходству, или по названию сырья, из которого готовили соответствующего цвета краску (или лак) и «шероховатость» для фона (с. 52–53).

Точным и справедливым являются и замечания автора о роли человеческого, личностного фактора в лексикографической работе, в частности в установлении псевдогапаксов: «Каждый псевдогапакс имеет свою историю: момент первоначального сомнения (было ли такое слово?), догадка, поиск в источниках и, образно говоря, в недрах знаний и памяти носителей современного языка. Такая работа — своего рода поиск и открытие неведомого...» (с. 53).

Таким образом, в книге Л.Ю. Астахиной соединились, казалось бы, разнородные проблемы, стоящие как перед исторической лексикологией, так и перед лингвистическим источниковедением, и получили своё разрешение. Автор намечает основные пути разработки проблем исторической лексикологии русского языка, описывает возможности различных источников, необходимых для этих целей, показывает направления будущих исследований с опорой на категории лингвистического источниковедения, разрабатывает методику взаимодействия этих двух дисциплин. Попутно решены и другие задачи, в частности, поставлена на прочные основания практического опыта изданий русских рукописных памятников сравнительно новая отрасль языкознания — лингвистическое источниковедение.

* * *

В Послесловии, написанном Ю.Н. Филипповичем, намечаются и описываются пути и способы электронных изданий рукописных и переизданий старопечатных древнерусских источников. Цель таких публикаций — приблизить древние памятники к исследователям, что позволяют сделать современные электронные носители, новейшие технические разработки, применение программ, составленных преподавателями Бауманского технического университета и студентами в процессе подготовки курсовых и дипломных работ. Электронные издания могут помочь издать рукопись как наборным способом, так и факсимильно. Эти публикации будут отвечать самым высоким требованиям языковедов, так как именно такой способ издания считается оптимальным источниковедами-лингвистами.

Л.В. Табаченко